

Сергей Гандлевский

«НАЙТИ ОХОТНИКА» И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (1995 – 2007)

* * *

Как ангел, проклятый за сдержанность свою,
Как полдень в сентябре — ни холодно, ни жарко,
Таким я делаюсь, на том почти стою,
И радости не рад, и жалости не жалко.
Еще мерещится заката полоса,
Невыразимая, как и при жизни было,
И двух тургеневских подпасков голоса:
— Да не училище — училище, мудила!
Еще — ах, Боже ты мой — тянет отстрие
Вечерний ответ дня от гамака к сараю;
Вершка не дотянул, и ночь берет свое.
Умру — полюбите, а то я вас не знаю...
Подняться, выпрямиться, вздрогнуть, чтобы что:
Сказать идите вон, уважьте, осчастливьте?
Но полон дом гостей, на вешалке пальто.
Гостей полным-полно, и все молчат, как в лифте.
NN без лифчика и с нею сноб-юнец.
Пострел из Зальцбурга и кто-то из Ростова.
И птичка, и жучок, и травка, наконец,
Такая трын-трава — и ничего другого.

1995

* * *

Когда я жил на этом свете
И этим воздухом дышал,
И совершал поступки эти,
Другие, нет, не совершал;
Когда помалкивал и вякал,
Мотал и запасался впрок,
Храбрился, зубоскалил, плакал —
И ничего не уберег;
И вот теперь, когда я умер
И превратился в вещество,
Никто — ни Кьеркегор, ни Бубер —
Не объяснит мне, для чего,
С какой — не растолкуют — стати,
И то сказать, с какой-токой
Я жил и в собственной кровати
Садился вдруг во тьме ночной...

1995

* * *

Есть горожанин на природе.
Он взял неделю за свой счет
И пастерначит в огороде,
И умиротворенья ждет.
Семь дней, прилежнее японца
Он созерцает листопад,
И блеск дождя, и бледность солнца,
Застыв с лопатой между гряд.

Люблю разуть глаза и плакать!
Сад в ожидании конца
Стоит в исподнем, бросив в слякоть
Повязку черную с лица.
Слышна дворяжек перепалка.
Ползет букашка по руке.
И не элегия — считалка
Все вертится на языке.
О том, как месяц из тумана
Идет-бредет судить-рядить,
Нож вынимает из кармана
И говорит, кому водить.
Об этом рано говорить.
Об этом говорить не рано.

1995

* * *

«Пидарасы», — сказал Хрущев.
Был я смолоду не готов
Осознать правоту Хрущева,
Но, дожив до своих годов,
Убедился, честное слово.

Суета сует и обман,
Словом, полный анжамбеман.
Сунь два пальца в рот, сочинитель,
Чтоб остались только азы:
Мойдодыр, «жи-ши» через «и»,
Потому что система — ниппель.

Впору взять и лечь в лазарет,
Где врачует речь логопед.
Вдруг она и срастется в гипсе
Прибаутки, мол, дул в дуду
Хабибулин в х/б б/у —
Всё б\у. Хрущев не ошибся.

1995

* * *

Найти охотника. Головоломка.
Вся хитрость в том, что ясень или вяз,
Ружьё, ягдташ, тирольская шляпёнка
Сплошную образуют вязь.

Направь прилежно лампу на рисунок
И угол зренья малость измени,
Чтобы трофеи, ружьецо, подсумок
Внезапно выступили из тени.

Его на миг придумала бумага —
Чуть-чуть безумец, несколько эстет,
Преступник на свободе, симпатия —
Сходи на нет, теперь сходи на нет!

И вновь рисунок как впервой неясен.
Но было что-то — перестук колёс
Из пригорода, вяз, не помню, ясень —
Безмерное, ослепшее от слёз,

Блистающее в поселковой луже,
Под стариковский гомон воронья...
И жизнь моя была б ничуть не хуже,
Не будь она моя!

1996 г

* * *

*«Когда пришлют за мной небесных выводных...»
А. Сопровский*

Социализм, Москва, кинотеатр,
Где мы с Сопровским молоды и пьяны.
Свет гаснет, первый хроникальный кадр —
Мажор с экрана.
В Ханое — труд, в Софии — перепляс,
Трус, мор и глад — в Нью-Йорке.
А здесь последний свет погас —
Сопровский, я и «три семёрки».

Мы шли на импортный дурман,
Помноженный на русский градус.
Но мой дружок мертвецки пьян —
Ему не в радость.
Огромные закрытые глаза.
Шпана во мраке шутики шутит.
Давай-ка, пробуждайся, спать нельзя —
Смотри, какую невидаль нам крутят:
Слепой играет аккордеонист,
И с пулей в животе походкой шаткой
Выходит, сквернословя, террорист
Во двор, мощённый мощною брусчаткой.

Неряха, вундеркинд, гордец,
Исчадь книжной доблести и сплина,
Ты — сеятель причин и следствий жнец,
Но есть и на тебя причина.
Будь начеку, отчисленный студент.
Тебя, мой друг большеголовый,
Берёт на карандаш — я думал мент,
А вышло — ангел участковый.

1997

* * *

идёт по улице изгой
для пущей важности с серьгой
впустую труженик позора
стоял на перекрестке лет
три цвета есть у светофора
но голубого цвета нет

а я живу себе покуда
художником от слова худо
брожу ль туда-сюда при этом
сизу ль меж юношей с приветом
никак к ней к смерти не привыкнешь
всё над каким-то златом чахнешь
умрешь как миленький не пикнешь
ну разве из приличья ахнешь

умри себе как все ребята
и к восхищению родни
о местонахожденьи злата
агонизируя сболтни

1997

* * *

Так любить — что в лицо не узнать,
И проснуться от шума трамвая.
Ты жена мне, сестра или мать,
С кем я шел вдоль околицы рая?

Слышишь, ходит по кругу гроза —
Так и надо мне, так мне и надо!
Видишь, вновь закрываю глаза,
Увлекаемый в сторону ада.

Заурядны приметы его:
Есть завод, проходная, Кузьминки,
Шум трамвая, но прежде всего —
По утраченной жизни поминки.

За столом причитанья и смех,
И под утро не в жилу старшему
Всех вести на обоссанный снег
И уже добивать по-простому.

Оставайся со мной до конца,
Улыбнись мне глазами сухими,
Обернись, я не помню лица,
Назови свое прежнее имя.

1997

* * *

Баратынский, Вяземский, Фет и проч.
И валяй цитируй, когда не лень.
Смерть — одни утверждают, — сплошная ночь,
А другие божатся, что Юрьев день.
В настоящее время близка зима.
В новый год плесну себе коньячку.
Пусть я в общем и целом — мешок дерьма,
Мне ещё не скучно хватить снежку
Или встретиться с зеркалом: сколько лет,
Сколько зим мы знакомы, питомец муз!
Ну решайся, тебе уже много лет,
А боишься выбрать даже арбуз.
Семь ноль-ноль. Пробуждается в аккурат
Трудодень, человекоконь гужевой.
Каждый сам себе отопри свой ад,
Словно дверцу шкафчика в душевой.

1997

* * *

Осенний снег упал в траву,
И старшеклассница из Львова
Читала первую строфу
«Шестого чувства» Гумилёва.

А там и жизнь почти прошла,
С той ночи, как я отнял руки,
Когда ты с вызовом прочла
Строку о женщине и муке.

Пострел изрядно постарел,
И школьницахватила лиха,
И снег осенний запестрел,
И снова стало тихо-тихо.

С какою целью я живу,
Кому нужны её печали,
Зачем поэта расстреляли
И первый снег упал в траву?

1997

На смерть И. Б.

Здесь когда-то ты жила, старшекласницей была,
А сравнительно недавно своевольно умерла.
Как, наверное, должна скверно тикать тишина,
Если женщине-красавице жизнь стала не мила.
Уроженец здешних мест, средних лет, таков, как есть,
Ради холода спинного навещаю твой подъезд.
Что ли роз на все возьму, на кладбище отвезу,
Уроню, как это водится, нетрезвую слезу...
Я ль не лез в окно к тебе из ревности, по злобе
По гремучей водосточной к небу задранной трубе?
Хорошо быть молодым, молодым и пьяным в дым —
Четверть века, четверть века зряшным подвигам моим!
Голосом, разрезом глаз с толку сбит в толпе не раз,
Я всегда обозначался, не ошибся лишь сейчас,
Не ослышался — мертва. Пошла кругом голова.
Не любила меня отроду, но ты была жива.

Кто б на ножки поднялся, в дно головкой уперся,
Поднатужился, чтоб разом смерть была, да вышла вся!
Воскресать так воскресать! Встали в рост отец и мать.
Друг Сопровский оживает, подбивает выпивать.
Мы «андроповки» берём, что-то первая колом —
Комом в горле, слущким слогом да частушечным стихом.
Так от радости пьяны, гибелью опалены,
В черно-белой кинохронике вертаются с войны.
Нарастает стук колёс и душа идёт вразнос.
На вокзале марш играют — слепнет музыка от слёз.
Вот и ты — одна из них. Мельком видишь нас двоих,
Кратко на фиг посылаешь обожателей своих.
Вижу я сквозь толчею тебя прежнюю, ничью,
Уходящую безмолвно прямо в молодость твою.
Ну, иди себе, иди. Всё плохое позади.
И отныне, надо думать, хорошее впереди.
Как в былые времена встань у школьного окна.
Имя, девичью фамилию выговорит тишина.

* * *

Г. Ч.

Раб, сын раба, я вырвался из уз,
Я выпал из оцепененья.
И торжествую, зная наизусть
Давно лелеемое приключенье.
Сейчас сорвётся тишина на крик —
Таковую я задумал шалость.
Смерть в каждом кустике храбрится: чик-чирик —
Но только в радость эта малость.

Разбить бы вдребезги, чтоб набело срослось,
Воздать сторицей, хлопнуть дверью.
Визжи, визжи, расхлябанная ось
Между Аделаидою и Тверью!
Деревня-оползень на правом берегу,
Паром, пичуга в воздухе отпетом —
Всё это, если я смогу,
Сойдётся, наконец, с ответом.

Мирон Пахомыч, к отмели рули,
Наляг, Харон Паромыч, на кормило.
По моему хотенью журавли,
Курлыча, потянулись к дельте Нила.
«Казбечину» с индийской коноплей
Щелчком отбросив, вынуть парабеллум.
Смерть пахнет огородною землёй,
А первая любовь — травой и телом.

1998

* * *

близнецами считал а когда разузнал у соседки
оказался непарный чудак-человек
он сходил по-большому на лестничной клетке
оба раза при мне и в четверг
мой народ отличает шельмец оргалит от фанеры
или взять чтоб не быть голословным того же меня
я в семью возвращался от друга валеры
в хороводе теней три мучительных дня
и уже не поверят мне на слово добрые люди
что когда-то я был каждой малости рад
в тюбетейке со ртом до ушей это я на верблюде
рубль всего а вокруг обольстительный ленинабад
я свой век скоротал как восточную сказку
дромадер алкоголя горячечные миражи
о сними с меня жено похмельную маску
и бай-бай уложи
пусть я встану чем свет не таким удручающим что ли
как сегодня прилёт
разве нас не учили хорошему в школе
где пизда-марь иванна проводила урок
иванов сколько раз повторять не вертись и не висни
на анищенко сел по-людски
все открыли тетради пишем с красной строки
смысл жизни

1999

* * *

Мама чашки убирает со стола,
Папа слушает Бетховена с утра,
«Ножи-ножницы,» — доносится в окно,
И на улице становится темно.
Раздаётся ультиматум «марш в кровать!» —
То есть вновь слонов до одури считать,
Или вскидываться за полночь с чужой
Перевернутой от ужаса душой.
Нюра-дурочка, покойница, ко мне
Чего доброго пожалует во сне —
Биографию юннату предсказать
Али «глупости» за фантик показать.

Вздор и глупости! Плательщики-жильцы
При ближайшем рассмотрении — не жильцы.
Досчитали под Бетховена слонов
И уснули, как убитые, без снов.
Что-то клонит и меня к такому сну.
С понедельника жизнь новую начну.
И забуду лад любимого стиха
«Папе сделали ботинки...» — ха-ха-ха.
И умолкнут над промышленной рекой
Звуки музыки нече-лове-ческой.
И потянемся гуськом за тенью тень,
Вспоминая с бодуна воскресный день.

1999

* * *

всё разом — вещи в коридоре
отъезд и сборы впопыхах
шесть вялых роз и крематорий
и предсказание в стихах
другие сборы путь неблизок
себя в трюмо а у трюмо
засохший яблока огрызок
се одиночество само
или короткою порою
десятилетие назад
она и он как брат с сестрою
друг другу что-то говорят
обоев клетку голубую
и обязательный хрусталь
семейных праздников любую
подробность каждую деталь
включая освещенность комнат
и мебель тумбочку комод
и лыжи за комодом — вспомнит
проснувшийся и вновь заснет

1999

* * *

Я по лестнице спускаюсь
И тихонько матюкаюсь.
Толстой девочке внизу
Делаю «козу».

Разумеется, при спуске
Есть на психику нагрузки.
Зря я выпил без закуски —
Как это по-русски!

Солнце прячется за тучкой.
Бобик бежит за Жучкой.
Бьется бабушка над внучкой —
Сделай дяде ручкой.

1999

* * *

Фальстафу молодости я сказал «прощай»
И сел в трамвай.

В процессе эволюции, не вдруг
Был шалопай, а стал бирюк.

И тем не менее апрель
С безалкогольной капелью
Мне ударяет в голову, как хмель.

Не водрузить ли несколько скворешен
С похвальной целью?
Не пострелять ли в цель?

Короче говоря, я безутешен.

2000

* * *

видимо школьный двор
вестибюль коридор
сдача норм гто
или вроде того

завуч или физрук
насмERTь проветрен класс
голосуем лес рук
надо же сколько нас

тщась молодежь увлечь
педагог держит речь
каждого под конец
ждет из пизы гонец

затеряться в толпе
не дано никому
на такое чп
нету увы цэ у

должен знать назубок
школьник повестку дня
лягу на правый бок
не тормози меня

пусть дадут аттестат
пусть оставят в живых
гомонит листопад
митинг глухонемых

2000

* * *

П. В.

Цыганка ввалится, мотая юбкою,
В вокзал с младенцем на весу.
Художник слова над четвёртой рюмкою
Сидишь — и ни в одном глазу.

Еще нагляднее от пойла жгучего
Все-все художества твои.
Бери за образец коллегу Тютчева —
Молчи, короче, и таи.

Косясь на выпивку, частит пророчица,
Но не содержит эта речь
И малой новости, какой захочется
Купе курящее развлечьь.

Играет музычка, мигает лампочка,
И ну буфетчица зевать,
Что самое-де время лавочку
Прикрыть и выручку сдавать.

Шуршат по насыпи чужие особи.
Диспетчер зазывает в путь.
А ты сидишь, как Меншиков в Березове, —
Иди уже куда-нибудь.

2001

* * *

Мою старую молодость, старость мою молодую
Для служебного пользования обрисую.
Там чего только нет! – Ничего там особого нет.
Но и то, что в наличии, сходит на нет.
И глаза бы мои не глядели, как время мое
Через силу идет в коллективное небытие.
Обездолят вконец, раскулачат – и точка.
Что ли впрок попросаемся, дурочка, Звездочка, Ночка?
Уступая тебя сукомольцам и прочей шпане,
Напоследок скажу: вспоминай обо мне.
И про черный свой день понадежней припрячь их –
Отражения нежностей наших телячьих
В голом зеркале шкафа, которое снег освещал.

Знать по памяти вдох твоего вожделенья и выдох
И иметь при себе, когда кликнут с вещами на выход,
При условии, что память приравнена к личным вещам.

2003

* * *

чтобы липа к платформе вплотную
обязательно чтобы сирень
от которой неделю-другую
ежегодно мозги набекрень
и вселенная всенепременно
по дороге с попойки домой
раскрывается тайной мгновенной
над садовой иной головой
хорошо бы для полного счастья
запах масляной краски и пусть
прошумит городское ненастье
и т. д. и т. п. наизусть

грусть какая-то хочется чтобы
смеха ради среди белого дня
дура-молодость встала из гроба
и на свете застала меня
и со мною еще поиграла
в ту игру что не стоила свеч
и китайская цацка брэнчала
бесполезная в сущности вещь

2003

* * *

Л. Р.

Выуживать мелочь со дна кошелька
Вслепую от блеска заката
И, выудив, бросить два-три медяка
В коробку у ног музыканта.
И – прочь через площадь в закатных лучах
В какой-нибудь Чехии, Польше...
Разбитое сердце, своя голова на плечах –
Чего тебе больше?

2004

* * *

Ржавчина и желтизна – очарованье очей.
Облако между крыш само из себя растет.
Ветер крепчает и гонит листву взащей,
Треплет фонтан и журнал позапрошлых мод.

Синий осенний свет – я в нем знаю толк как никто.
Песенки спетой куплет, обещанный бес в ребро.
Казалось бы, отдал все, лишь бы снова ждать у метро
Женщину 23-х лет в длинном черном пальто.

2004

* * *

Признаки жизни, разные вещи –
примус и клещи.
Шмотки на выброс, старые снимки –
фотоужимки.

Сколько стараний, поздних прозрений,
ранних вставаний!
Дачная рухлядь – вроде искусства,
жизни сохранней.

И воскрешает, вроде искусства,
сущую малость –
всякие мысли, всякие чувства,
прочую жалость.

Вплоть до частушки о волейболе
и валидоле...
Платье на стуле – польское, что ли,
матери, что ли?

2005

* * *

Среди прочего, отец научил отыскивать Кассиопею – небесную «дубль-ве».

Среди прочего, незадолго до смерти построил дачу.
Есть что-то непристойное в расхожих рассказах
о загробных проделках усопших: о сберкнижке,
чудом обнаруженной на сорокадневье вкладчика;
о сверхъестественном падении этажерки,
знаменующем-де присутствие покойного – и т. п.
Тьфу!.. Будто поминаются не «возлюбленные тени»,
а массовики-затейники средней руки.

Вот когда новогодней ночью
из дюжины свечей на дачном снегу
держались до последнего ровно пять,
образовав вышеуказанный астрономический зигзаг...

2005

* * *

«Или-или» – «и-и» не бывает.
И, когда он штаны надевает,
Кофе варит, смолит на ходу,
Пьет таблетки, перепроверяет
Ключ, бумажник, электроплиту
И на лестницу дверь открывает,
Старый хрен, он уже не вздыхает,
Эту странность имея в виду.

2005

* * *

Драли глотки за свободу слова –
Будто есть чего сказать.
Но сонета 66-го
Не перекричать.

Чертежей моих не троньте –
Нехорош собой, сутул
Господин из Пиндемонти
Одеженку вешает на стул.

День-деньской он черт-те где слонялся
Вечно не у дел.
Спать охота – чтобы дуб склонялся,
Чтобы голос пел.

2005

* * *

В коридоре больнички будто крик истерички
В ширину раздается, в длину.
И косятся сестрички на шум электрички,
Пациенты теснятся к окну.

От бессонницы воображенье двоится –
То слоняешься по коридорам больницы,
То с тяжелым баулом бегом
В хвостовой поспеваешь вагон.

Как взаправду, толпятся в проходе старухи,
Как живой, гитарист – трень да брень.
Наизусть сочиняй воровские кликухи
Станций и деревень.

Предугадывай с маниакальной заботой
Новобранца со стрижкой под нуль.
Пусть пройдет вдоль вагона с жестокой зевотой
Милицейский патруль.

И тогда заговорщицки щелкнет по горлу
Забулдыга-сосед.
Память-падальщица, ишь ты, крылья простерла!
Вязкий ужас дорожных бесед.

Отсылающих снова к больничной курилке,
Где точь-в-точь просвещал человек.
Но по логике сна озираешься в ссылке –
То ли Вытегра, то ли Певек.

Так и травмишь себя до рассвета,
Норовя, будто клеим шпана,
С содроганием химией, химией этой
Надышаться сполна.

2006

* * *

В черном теле лирику держал,
Споров о высоком приобщился,
Но на кофе, чтобы не сбежал,
Исподволь косился.
Все вокруг да около небес -
Райской спевки или вечной ночи.
Отсебятина, короче,
С сахаром и без.

Доходи на медленном огне
Под метафизические враки.
К мраку привыкай и тишине,
Обживайся в тишине и мраке.
Пузыри задумчиво пускай,
Помаленьку собираясь с духом,
Разом перелиться через край -
В лирику, по слухам.

2006

* * *

Мне нравится смотреть, как я бреду,
Чужой, сутулый, в прошлом многопьющий,
Когда меня среди рощи на ходу
Бросает в вечный сон грядущий.

Или потом, когда стою один
У края поля, неприкаян,
Окрестностей прохожий господин
И сам себе хозяин.

И сам с собой минут на пять вась-вась
Я медленно разглядываю осень.
Как засран лес, как жизнь не удалась.
Как жалко леса, а ее – не очень.

2006

* * *

Ю. К.

*«Где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин...»
В. Ходасевич*

«О-да-се-вич?» – переспросил привратник
и, сверившись с компьютером, повел,
чуть шевеля губами при подсчете
рядов и мест.

Мы принесли – фиалки-не фиалки –
незнамо что в пластмассовом горшке
и тихо водрузили это дело
на типовую серую плиту.

Был зимний вполнакала день.
На взгляд туриста, неправдоподобно-
обыденный: кладбище как кладбище
и улица как улица, в придачу –
бензоколонка.

Вот и хорошо.

Покойся здесь, пусть стороной пройдут
обещанный наукою потоп,
ислама вал и происки отчизны –
охотницы до пышных эксгумаций.

Жил беженец и умер. И теперь
сидит в теньке и мокрыми глазами
следит за выкрутасами кота,
который в силу новых обстоятельств
опасности уже не представляет
для воробьев и ласточек.

2007

* * *

Очкарику наконец
овчарку дарит отец.
На радостях двух слов
связать не может малец.

После дождя в четверг
бредешь наобум, скорбя.
«Молодой, – кричат, – человек!»
Не рыпайся: не тебя.

Почему они оба – я?
Что общего с мужиком,
кривым от житья-бытья,
у мальчика со щенком?

Где ты был? Куда ты попал?
Так и в книжке Дефо
попугай-трепло лопотал –
только-то и всего.

И по улице-мостовой,
как во сне, подходит трамвай.
Толчея, фонарь на столбе.
«Негодяй, – бубнят, – негодяй!»
Не верти, давай, головой –
это, может быть, не тебе.

2007

Портрет художника в отрочестве

I

Первый снег, как в замедленной съемке,
На Сокольники падал, пока,
Сквозь очки озирая потемки,
Возвращался юннат из кружка.

По средам под семейным нажимом
Он к науке питал интерес,
Заодно-де снимая режимом
Переходного возраста стресс.

Двор сиял, как промытое фото.
Веренице халуп и больниц
Сообщилось серьезное что-то –
Белый верх, так сказать, черный низ.

И блистали столетние липы
Невозможной такой красотой.
Здесь теперь обретаются VIP-ы,
А была – слобода слободой.

И юннат был мечтательным малым –
Слава, праздность, любовь и т. п.
Он сказал себе: «Что как тебе
Стать писателем?» Вот он и стал им.

2006

II

Ни сика, ни бура, ни сочинская пуля –
иная, лучшая мне грезилась игра
среди пляжной немочи короткого июля.
Эй, Клязьма, оглянись, поворотись, Пахра!

Исчадь трепетное пекла пубертата
ничком на толпами истоптанной траве
уже навряд ли я, кто здесь лежал когда-то
с либидо и обидой в голове.

Твердил внеклассное, не заданное на дом,
мечтал и поутру, и отходя ко сну
вертеть туда-сюда – то передом, то задом
одну красавицу, красавицу одну.

Вот, думал, вырасту, заделаюсь поэтом –
мерзавцем форменным в цилиндре и плаще,
вздохну о кисло-сладком лете этом,
хлебну того-сего – и вообще.

Потом дрались в кустах, еще пускали змея,
и реки детские катились на авось.
Но, знать, меж дачных баб, урча, слонялась фея –
ты не поверишь: все сбылось

2007